5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 39 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ОКТЯБРЬ МОСКВА Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927

МЯГКИЙ РЕЖИМ

...В связи с июльскими событиями венское правительство выразило благодарность полицей-президенту Шоберу.

...Венская полиция снабжается резиновыми палками.

Рис. Б. Антоновского

БУРГОМИСТР ЗЕЙЦ: — Вы гениальны Но все-таки нам, социал-демократам, в обращении с рабочими необходимо больше мягкости.

ПОЛИЦ.-ПРЕЗИДЕНТ ШОБЕР: — Это правда. Завтра-же снабжу полицейских резиновыми палками.

Рис. А. Радакова

ЕМЕЛЬЯН ЧЕРНОЗЕМНЫЙ

Хлопотливый день Емельяна Черноземного начался, как говорится, с первыми лучами восходящего солнца. Что-то около десяти часов утра. Именно в это время Емельян Черноземный эластично выполз из-под голубого стеганного одеяла на свет божий и стал действовать.

Прежде всего он принял холодный душ. После душа минут десять занимался гимнастическими упражнениями по системе Мюллера. Потом не без аппетита выпил стакан какао, с'ел французкую булку с маслом, с наслаждением закурил толстую папиросу „Герцоговина - Флор" (25 штук — 60 коп.) и, наконец, свежий и бодрый присел к изящному письменному столу и до одиннадцати часов резво сочинял стихи.

Покончив со стихами, Емельян Черноземный деловито вытащил из-под никелированной кровати с пружинным матрацем зловещие штаны и мрачную толстовку, попрыскал их немного чернилами и брезгливо стал одеваться.

Одевшись, Емельян Черноземный долго и сосредоточенно терся головой о стенку, пока его прическа не приобрела вид престарелого, видавшего виды ежа, окончившего свою бурную, полную приключений, жизнь под колесами неосторожного автомобиля. Затем сунул в карман бутылку водки, три метра веревки, кусок душистого мыла, большой гвоздь и, хорошенько замазав руки в печной саже, отправился по делам.

Первый его визит был к профессору Доадамову.

* * *

Здорово, товарищ Доадамов,— сказал Емельян Черноземный бесшабашным голосом, входя в кабинет профессора.

— Здравствуйте, товарищ... Чем могу...— пробормотал Доадамов, близоруко топчась возле Черноземнова.

— Не признал, что ли?.. Эх, ты, а еще ученый человек называешься, очки носишь. Черноземный я, Емельян. Крестьянин, значит. Безлошадный. Тятька мой, поди, еще во время империалистической бойни без вести пропал. А я, значит, нонеча у тебя наукам разным обучаюсь. Во как!

— Студент?

— Оно двистительно, ежели по-ученому говорить, то в полном виде студент. От сохи значит.

— Ага. Садитесь, товарищ. Чем могу?

— Спасибо. Мы и постоять можем. Чай, не лаптем щи хлебаем. Мы — люди темные, вы люди — ученые. Много благодарны.

Профессор Доадамов слегка поморщился.

— Ну что вы, право, такое говорите, товарищ. Садитесь, прошу вас без церемоний и расскажите в чем дело.

Емельян Черноземный нерешительно переступил с ноги на ногу и вытер нос рукавом.

— Зачетишко бы мне, товарищ профессор. Потому трудно нашему брату безлошадному без зачетов приходится.

Емельян Черноземный вытащил из-за пазухи зачетную книжку и протянул профессору.

— Вот туточки пиши. Осередь вот ефтой клетушечки.

— Помилуйте, товарищ,— удивился профессор Доадамов,— как же это я так вдруг возьму да и поставлю вам зачет? Приходите в среду, в общем порядке, тогда...

— Приходил уж. Чего там. Погнали вы меня. В другой раз, сказали, приходи.

— Тем более.

— Напиши, барин, зачет,— тускло заметил Черноземный.

— Не могу, товарищ.

— Не можешь?— печально возразил Емельян Черноземный.

— Не могу,— подтвердил профессор Доадамов.

— Тады — во, гляди, барин, чего я чичас над собой изделаю. Пущай пропадает аржаная моя головушка! И-и-эх х!

С этими словами Емельян Черноземный не торопясь влез на стул и забил в стену профессорским микроскопом большой гвоздь.

— Что вы хотите сделать? — воскликнул профессор, содрогаясь.

— Уж изделаю,— зловеще сказал Емельян Черноземный, привязывая к гвоздю петлю и быстро ее намыливая.— Не жить мне, товарищ-барин, без зачета! Оно, конечно, может которым городским ты и поставишь зачет. Может у которых городских полные книжки зачетов. Нешто за городскими угоняешься? Деревенские мы... Темные. От сохи значит. И-и-эх! Конешно.. Может я три дня не емши. Может мне некуда головушку свою приклонить, может я под мостами ночую,

да на березовой коре бином Ньютона щепочкой выковыриваю? Эх, сглодал меня, парня, город! Не увижу родного месяца! Расстегну я пошире ворот, чтоб способнее было повеситься!

Емельян Черноземный опытным жестом накинул на шею веревку и, рыдая, продолжал:

— Был я буйный, веселый парень... Золотая была голова... А теперь пропадаю, барин — потому, засосала Москва. И-и-эх-х! Пропадает, барин, самородок.

— Вы не сделаете этого! — воскликнул профессор, обливаясь холодным потом.

— Изделаю, — тихо сказал Черноземный, осторожно раскачивая ногами стул.

— Давайте зачетную книжку! — прохрипел профессор.

* * *

Следующий визит Емельяна Черноземного был в редакцию толстого журнала „Красный Кирпич".

Раздвинув богатырским плечом кучу бледно-зеленых молодых людей, Емельян Черноземный бодро вошел в кабинет редактора и остановился перед столом.

— Чем могу? — спросил редактор.

— Демьяна Бедного знаешь? — коротко спросил Емельян.

— Знаю, — нерешительно сознался редактор, высовывая голову из вороха непринятых рукописей.

— Максима Горького знаешь?

— Знаю.

— Емельяна Черноземного...

— Зн... То есть н... не знаю.

— Не знаешь? Так сейчас узнаешь.

Емельян Черноземный высморкался в толстовку и быстро вынул из за пазухи рукопись.

— Коли не знаешь, тады слухай:

Эх, сглодал меня, парня, город,
Не увижу родного месяца,
Распахну я пошире ворот,
Чтоб способнее было повеситься!

— Приходите через две недели, — сказал редактор устало. — Впрочем, стихи наверное не подойдут.

Емельян Черноземный поставил перед собой бутылку водки и тяжело вздохнул.

— Не подойдут? Тады буду пить, пакедова не подохну. И-эх-х! Оно конешно. Может которые городские парни завсегда свои стихи печатают. Нешто за городскими угоняешься? А мы что? Мы — ничего! Мы люди темные, необразованные. От сохи, значит, от бороны. Был я буйный, веселый парень... Золотая моя голова... А теперь пропадаю, барин, потому засосала Москва... Под мостами, может, ночую... На бересте может, гвоздиком рифмы царапаю... И-эх-х!

С этими словами Емельян Черноземный быстро забил в стенку редакторским прессбюваром гвоздь, привязал веверевку и сунул голову в петлю.

— Остановитесь! — закричал редактор.

— Руп за строчку, — тускло возразил Емельян Черноземный. — И чичас чтоб.

— Берите! — прохрипел редактор. — Принимаю. Контора открыта до 2-х. Не опоздайте.

* * *

Следующий визит Емельяна Черноземного был к Верочке Зямкиной:

— Здорово, девка, — сказал Емельян Черноземный, входя в комнату. — Придешь ко мне что-ли-ча ночью на сеновал, Сретенка, Малый Желтокозловский переулок, дом 8, квартира 14, звонить четыре раза, спросить товарища Мишу Тарабукина (а Емельян Черноземный ефто мой литературный псювдонминт) али не придешь?

— Вот еще! Какие вы слова говорите, товарищ... — вспыхнула Верочка Зямкина, роняя физику Краевича на пол. — Мне даже очень странно это слышать, тем более, что сегодня вечером мы условились с Васей Волосатовым итти на человека из ресторана, так что всякий посторонний сеновал решительно отпадает.

— Так не придешь?

— Не собираюсь.

— Не собираешься? Тады — так! Оно конешно. Может у меня папанька в империалистическую бойню без вести пропал, может я три дня не жрамши, может я грызу гранит и под мостами ночую, может я гвоздиком на березовой коре твое имячко, отчество выковыриваю по ночам! Может, конешно, с которыми городскими ты по всяким киятрам желаешь шляться, а который от сохи — с тем не желаешь? И-эх-х! Эх, сглодал меня, парня, город, не увижу родного месяца, распахну я пошире ворот, чтоб способнее было повеситься!

С этими словами Емельян Черноземный вбил в стенку Краевичем гвоздь и хлопотливо сунул голову в петлю:

— Приду! — хрипло закричала Верочка Зямкина, бросаясь к Емельяну Черноземному.

— То то. Не позже девяти чтоб. Прощевай, девка.

* * *

Обделав еще кое какие делишки, Емельян Черноземный вернулся домой, плотно пообедал, принял ванну с сосновым экстрактом, надел полосатые брюки, желтые полуботинки, синий элегантный пиджак, повязал небрежной бабочкой веснушчатый галстух, смазал фикстуаром голову и, развалясь в соломенном кресле, закурил ароматную папиросу.

В двери раздался стук.

— Войдите! — небрежно бросил Емельян Черноземный, сбрасывая мизинцем пепел в изящную пепельницу.

Дверь растворилась, и в комнату вошел Вася Волосатов.

— Чем могу... — бледно поинтересовался Емельян Черноземный.

— А ну-ка, показывай свой сеновал, сволочь! — ласково сказал Вася Волосатов.

— Я вас не вполне понимаю, товарищ, — мягко прошептал Емельян.

— Зато я тебя, сук-кин сын, очень хорошо понимаю. Показывай сеновал! Показывай мост, под которым ты ночуешь, гадина! Показывай своего папаньку, который пропал без вести во время империалистической бойни! Показывай, наконец, чорт тебя раздери, бересту, на которой ты, смотря по обстоятельствам, царапаешь то стишки, то бином Ньютона, то имя и фамилию любимой женщины. Все показывай, чортов кот!

Емельян Черноземный быстро заморгал глазами и неуверенно пробормотал:

— И... и-эх-х! — Сглодал меня, парня, город... Не увижу родного месяца... тово-этого... распахну я пошире ворот, чтоб, это самое... способнее было повеситься.

С этими словами Емельян Черноземный привычным движением вбил в стенку гвоздь, сунул голову в петлю и нерешительно посмотрел на мрачного Васю.

— Вешайся! — сказал Вася сухо.

— И повесюсь, очень даже просто, — криво улыбаясь, пролепетал Емельян Черноземный. — Только за подстрекательство к самоубийству по головке тебя не тово... Имей в виду... А я повесюсь...

— Валяй!

— Вот только напоследок напьюсь водки и повесюсь... Как бог свят...

— Валяй, пей водку. Хоть две бутылки. Чтоб ты сдох.

— Очень мне неприятно слышать такие вещи от близкого приятеля, — обидчиво заметил Емельян. — Вместо того, чтобы пожалеть немного безлошадного человека...

— Пей водку, стер...р...рва! — прорычал Вася Волосатов...

Емельян Черноземный дрожащими руками поднес ко рту горлышко бутылки, и щеки его покрылись бледной зеленью отвращенья.

— Пей, свинья!

— Н... не могу... Душу воротит! — прошептал Емельян... — Запаха ее, подлой, не выношу. — И стал перед Васей Волосатовым на колени.

— Будешь? — загрохотал Вася, багровея.

— Не буду больше, — обливаясь слезами, проговорил Емельян Черноземный. — Чтоб мне не сойти с этого места, не буду.

— Чего не будешь?

— Ничего не буду... Врать не буду... Вешаться не буду... Упадочником не буду... Чужих девочек на сеновал звать не буду... Про папаньку пули отливать не буду... И про мост... тоже... не буду...

— То-то же, сволочь. Имей в виду. И чтоб больше ни-ни.

— Ни-ни! — подтвердил Емельян Черноземный и глухо зарыдал.

Слезы его ручьем текли по сеновалу.

Валентин Катаев

„НУЖНО ВИДЕТЬ, ЧТОБЫ ПОВЕРИТЬ!..“

В Берлин прибыло несколько почетных американских гостей. Полиция приняла все меры, чтобы высокие гости не были потревожены неприятным диссонансом в связи с настроением рабочих масс по случаю казни Сакко и Ванцетти.

Рис. М. Черемных

„Автомобиль с трудом подвигался среди восторженной, едва сдерживаемой толпы. Из окон гостям бросали цветы...“
(Из американских газет)

ДЕРЕВЕНСКАЯ „ДИПЛОМАТИЯ“

Нам доставлены из архивов Бугурусланского уезда, Самарской губернии, два официальных документа, интересных в бытовом отношении. Воспроизводим их полностью без всяких изменений и сокращений.

I

Мирный договор

1926 года марта 29 дня мы нижеподписавшиеся граждане деревни Васильевки Азясов, Александр Леонтьевич и временно проживающая в д. Васильевке Осипова Лукерья. Сего числа нами произведено мирное дело по изнасилованию Азясовым Осиповой. Я Осипова Лукерья по этому делу больше судебных дел возбуждать не буду, а за бесчестие мое я Осипова получила от Азясова восемь (8 рублей) денег. К сему и подписуемся. (Подписи).

Правильность подписи Азясова и за Осипову Васильевский сельсовет Шенталинской волости свидетельствует. Председатель совета Сафронов.

* * *

Насколько все просто и ясно в первом документе, настолько сложно и запутано во втором, который также носит заголовок „Мирный договор“.

II

Мирный договор

1926 года 20 апреля мы нижеподписавшися гр-не с. Ср.-Аверкино, Аверкинской волости, с одной стороны гр-ка с. Ср.-Аверкино Ларионова Александра и с другой гр-не Молюков Иван Петрович, Анчиков Василий Михайлович, Хмелев Тихон Данилович заключили настоящий договор в нижеследующем:

1) Я гр-ка Ларионова, обвиняющая гр-н 2-х указанных сего договора обвиняла безвинных, но принимая во внимание имела сношение с Молюковым Иваном и Анчиковым Васильем по согласию и Хмелев Тихон Данилович никакого сношения со мной не имел, но он в честной правдивости хотел обнаруживать нас, но видимо его пьяности никаких мер предпринимать не мог и ушел не принимая никаких мер и боясь его я совершила настоящее дело, чтобы он не мог предпринимать на меня никаких мер и пропуская слова среди населения опозорить меня и с тем не обвиняю честных людей в частности задевая советских служащих — Хмелева, в последнем считаю неправильным доказанием всех показаний, которые имеются у Ср.-Аверкинской волмилиции и просьба всех касающихся органов возбудивших дело оставить без внимания.

2) Мы вышеуказанные сего гр-не Молюков Анчиков и Хмелев не обвиняем за обвинение нас гр-кой Ларионовой, как она, боясь обнаружения, гр-ном Хмелевым случившееся обсолютное половое сношение, дабы он не мог пропустить слова среди населения случившуюся беду и не принимал на нее меры, признавая проституцией и с другой стороны, как она в полоумности совершая это дело.

3) И в заключение сего обе стороны просят прекратить случившееся дело мерой воздействия с касающих органов и никого из заключившего настоящего договора не считать виновным и прекратить меры воздействия всех.

И других показаний я Ларионова, дать не могу, что показала здесь и мирного согласия считаю законным и никого из них по застигшему делу не обвиняю.

(Далее следуют подписи договаривающихся сторон, свидетелей и т. д.):

Ср.-Аверкино, Аверкинской волости, Бугурусланского уезда, Самарской губернии. 21 апреля 1926 г. по реестру № 17. За свидетельствование взыскано 25 коп.

* * *

Здесь обстоятельства дела сложнее. Что именно хотел обнаруживать „в честной правдивости“ советский служащий Хмелев и почему он „видимо его пьяности никаких мер предпринимать не мог и ушел“ — непонятно. Почему Хмелев мог признавать проституцией „случившуюся беду“ („случившееся обсолютное половое сношение“) и почему „доказание всех показаний“, которые имеются в волмилиции, оказались неправильными — тоже непонятно.

Одно ясно: граждане Молюков и Анчиков, выступающие здесь коллективно, как договаривающаяся сторона, прощают гр-ке Ларионовой „случившую беду“ и Ларионова прощает им „случившуюся беду“.

Все хорошо, что хорошо кончается.

Хоть бы „великие державы“, бесплодно заседающие в Женеве, брали пример сговорчивости с вышеуказанных граждан, заключивших мирный договор в селе Ср.-Аверкино.

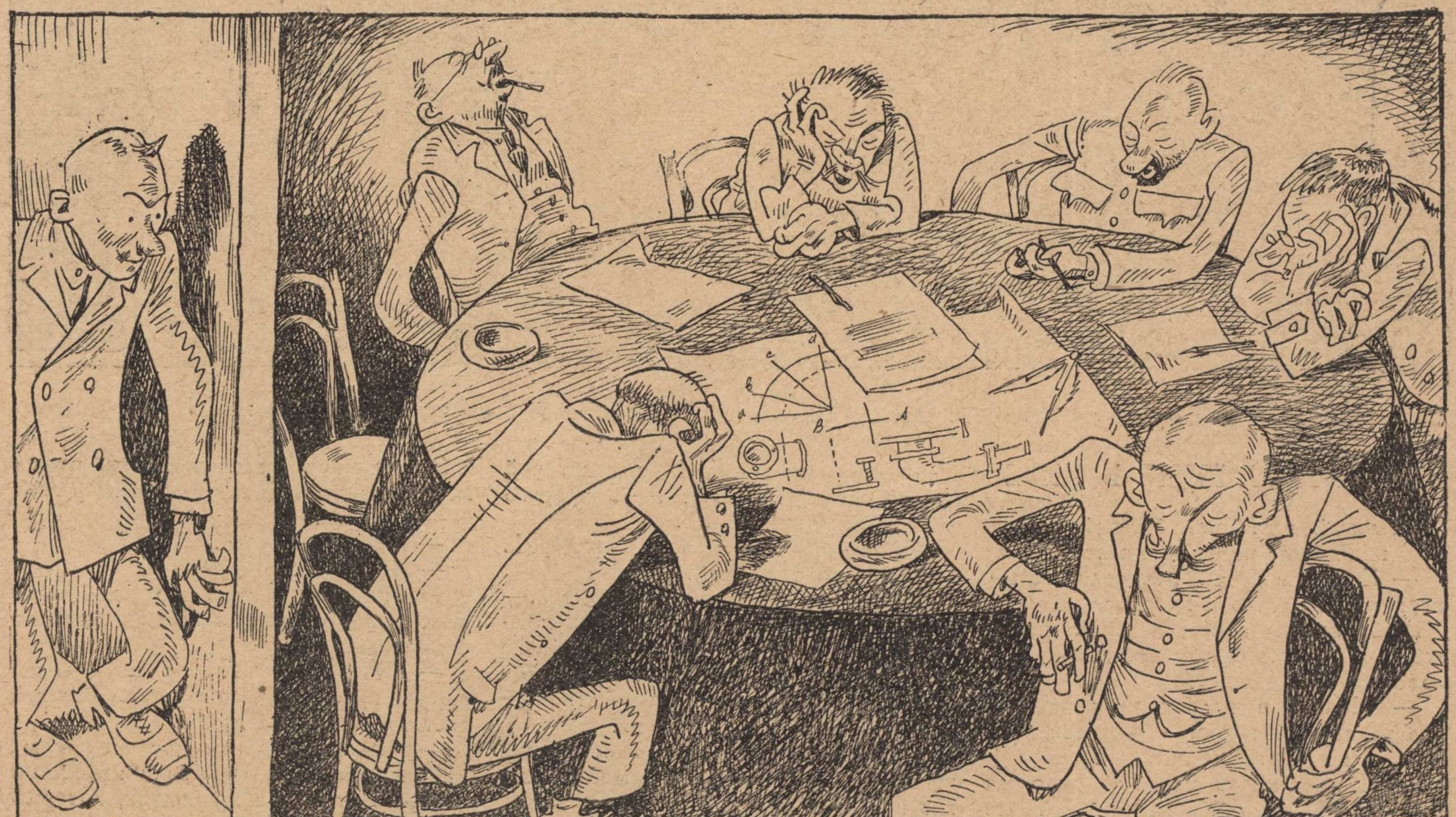
Л. С.

„СПИТЕ, ОРЛЫ БОЕВЫЕ!..“

Часто изобретателей не допускают на заседания комиссии по рассмотрению изобретений.

Из газет

Рис. Б. Антоновского

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ: — Тс-с-с... они, кажется, пришли к соглашению...

Рис. А. Радакова

ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕСТОРАНА

— Поглядите на этого официанта наконец-то этот бывший генерал стал „человеком“!

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В КУПЕ

В бывшей гостинной бывшей графини бывший полковник рассказывал:

— Я ехал в купе... Вечерело. Я завернулся в одеяло и задремал...

Разбудил меня таинственный шопот двух голосов. В купе было темно, как в могиле:

— Ничего в волнах не видно!..— сказал первый голос.— Придется бросить все к чортовой матери...

— Я не смотрю на наше дело так безнадежно!..—возразил второй.— Наше положение лучше, чем вы думаете... Разве вы не помните наизусть расположения наших частей?..

— Прекрасно помню!— с некоторой обидой отозвался второй.— С правого фланга белые офицеры ..

— Совершенно верно!.. Офицеры!.. Главная опора короля...

— Сердце мое забилось сильнее...— взволнованно продолжал бывший полковник.— Король, опирающийся на белое офицерство, мог быть английским королем. Разговаривающие могли быть агентами страны его величества...

...Стараясь не шуметь, я освободил уши и поднял голову... Но мое движение погубило дело:

— Тссс... Тише, чорт возьми!..—прошептал первый голос.— Наверху кто-то спит.

Заговорщики зашептали так, что я мог улавливать лишь отдельные фразы:

— Король...

— Белые офицеры...

— Конница...

Сомневаться в том, что подо мной зрел контр-революционный заговор, не приходилось...

— Ну и что же?..— с замиранием сердца простонали посетители бывшей гостинной бывшей графини...

— Дальше первый голос все покрыл матом!.. Два мерзавца играли в шахматы наизусть, так как проводник, который с вечера казался выпившим, забыл зажечь свет!..

М. Андр.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Завидуя лаврам дедушки Дурова, поэт Михаил Голодный тоже взялся за дрессировку собак.

В „Красной Ниве“ (№ 37) читаем:

— То-то: так-то. Носик твой холодный.
Дай-ка лапку! Хорошо. Похвально.
А теперь скажи вот: Михаил Голодный!
Вы—мне не по вкусу. Вы—индивидуальный!

Ну, можно ли так мучить собаку, заставляя ее произносить слово „ин-ди-ви-ду-аль-ный“?

И потом — что за несправедливость такая: Михаил Голодный к собаке на ты обращается, а сам учит ее говорить ему „вы“!..

Михаил Голодный завидует Дурову, а поэт Петр Чихачев—Вильямсу Труцци (аншлаги: Париж, Лондон, Берлин Вена, Лиссабон, Стокгольм).

Вот как заканчивается стихотворение П. Чихачева, помещенное в 8-ой книжке журнала „Красная Новь“:

Потом командир подошел к коню
(И голос был звонок и глубок),
Широкую руку коню протянул,
Сказав, как герою:—Спасибо...

Для более эффектного конца, не мешало бы вложить в уста коню следующее ответное слово:

Сказав Чихачеву: —„Друзьями будем!“,
Протянутую руку конь пожал.
И добавил: — „Стихи твои не нравятся людям,
А я, их читая, весело ржал!..“

*

Желая свою образованность показать, Совкино выпустило рекламу о новой кино-картине „Поэт и царь“ с цитатами из Пушкина.

Всем известные стихи „Я влюблен, я очарован — словом, я огончарован“ перевираются так:

Я восхищен, я очарован,
Короче — я огончарован.

В двух строках — две ошибки!

С таким-же успехом Совкино могло бы „кинофицировать“ Пушкина и дальше:

Смотрел я фильм „Поэт и царь“.
Скажу: все прочие — бездарь!
Я восхищен, я очарован!
Короче — я осовкинован!

НА СВОЙ АРШИН

Рис. Ю. Ганфа

— Должно быть, наш ревизор на нас рассердился: за все, что взял, — заплатил!

ВСТРЕЧА

По улице шли друг другу навстречу двое прохожих. Один — в бурой толстовке, неся под мышкой папку с развевающимися ленточками, он торопился, нахмурив над поднятым кверху носом места для бровей (самих бровей у него не было); другой прохожий даже на ходу следил за складками свежевыутюженных брюк и обмахивал соломенной шляпой свое улыбающееся лицо: приятно-ровный нос, полные губы, голубые от бритья щеки.

Когда прохожие поравнялись, тот, что носил бурую толстовку, внезапно остановился, поглядел в лицо встречному и с чувством, раздельно произнес:

— Господи ты боже мой, а?!

После чего в волнении полез себе за шиворот и принялся там ворочать рукою.

Второй прохожий в ответ тоже остановился. Не спеша, он увеличил масштабы своей улыбки и, желая поддержать беседу, заговорил:

— Хе... да... ну, вот: встретились... Хе... Ну, как вы вообщее — устроились, нет? Мы ведь с вами встречались в этом... как его... в Сарапуле... Как сейчас помню, вы еще сначала были в одиночной камере, а потом только вас перевели к нам, во второй этаж.

Но прохожий в толстовке молчал и шевелил засунутой за шиворот рукой где-то в районе собственной спины. Обязательный человек в шляпе на секунду согнал улыбку, всмотрелся в собеседника и, снова оживившись, продолжал:

— Или нет: не в Сарапуле мы встречались, а в Пензенском исправдоме. Вас еще тогда хотел на поруки взять тамошний охматмлад. Но раздумал, как сейчас помню: больно уж вы ловко тогда подряд на пошивку пристроили мануфактуру, как сейчас помню, всю на базар, нитки — на базар, приклад весь — на базар. Потеха! Ну, как вы тут, вообще, устроились? Работаете?.. Да, веселая тогда, как сейчас помню, компания сидела в Пензенском исправдоме. Веселая братва. Справа от моей койки, как сейчас помню, Хлюстер — он за ограбление агенства госбанка сидел. Слева — Чехвостов, помните?—он еще там в коммунхозе пожарный сарай строил и не достроил: рухнул его и не достроил, плюнул.

Да. Потом вы и Петька Жук — за тем две семьи значилось: ровным счетом восемь человек прикончил. Веселый такой парнишка был, как сейчас помню. Про вторую семью рассказывал—обхохотаться можно было. Особенно смешно выходило, как он бабушку резал — во второй семье старушка бабушка оказалась — ну, умора... А так вот наискосок, как сейчас помню, Рудольфа Косицкого койка была. Косицкого помните? Он тогда по городовой работал: в магазинах. Да, приятная тогда компания была. Я уж потом как-то в Орле сидел, так не то, знаете, совсем не то. Одни растратчики. И в Арзамасе не то! Да, поразбросало, поразбросало с тех пор ребят!

Человек в толстовке молчал и ворочал рукой как бы соболезнуя тому, что и в Орле и в Арзамасе было не то. А говоривший продолжал:

— Хлюстер теперь в Туле сидит! И что же ему припаяли? Подложный ордер. Пред'явил, будто, подложный ордер и получил грузовичек мануфактуры. Но, главное, на меня, говорят, показал, подлец, что, будто, ордер у меня достал. Когда эта такая ложь, такая ложь, никакого ордера я ему никогда не давал и не мог давать! Накладную — тоже липа — на два ящика галантерей, это я ему, действительно, пристроил, а ордер — ничего подобного.

Да! Вот еще! С Косицким я последний раз виделся года полтора тому назад. Тогда он ничего, повышение получил: перешел на кассы. Взрывает по-маленьку. Чехвостов тоже сидит и тоже на меня показывает, будто, я у него деньги вырезал — три тысячи. А я даже понятия не имею, о каких трех тысячах он говорит? Семь с половиной тысяч, действительно, я вырезывал и то не у него, а у кассира Семторга здесь в Москве. А чтобы три тысячи — этого определенно не было. Сам растратил Чехвостов, а на порядочных людей говорит. Вот.

Ну, а Пащенко помните? Он этажом ниже в двадцать второй камере сидел? Вспоминаете? Этот не сидит. Нет. Он уже в Нарыме. И хорошо так устроился: не доходя полярного круга; знаете ли, сейчас от Новосибирска направо. Очень хорошо, говорят, устроился: своя юрта, уплотнений никаких, оленье молоко, оленьи сливки, оленья сметана. Чехвостов, как освободится, к нему, наверное, поедет погостить. Очень просит. Не Пащенко, то-есть, просит, а Гепеу. Но Чехвостову, конечно, все равно. Ехать, так ехать, как говорится. Да-а... Сам я сейчас еще не работаю: недавно с отдыха приехал: из киевского исправдома. 4 месяца тоже отдыхал. И потом не знаю: стоит ли здесь начинать работать: очень меня из провинции требуют — курская милиция, говорят, шестой месяц разыскивает. Так что не знаю, как, собственно, поймают меня или нет.

На этом месте говоривший помолчал, как бы закончив исповедь. И затем общительно спросил:

— А вы сами как? Тогда-то в Пензе вы хорошо было устроились, что-то лет на пять с изоляцией. А теперь как, отбыли?

Но человек в толстовке продолжал молчать. Только рука его, наконец, вынырнула из-за шиворота и обдергивала поднявшееся, было, кверху платье. Прохожий в соломенной шляпе тогда обиделся. Он саркастически улыбнулся и заметил:

— Что-ж вы не отвечаете? Или старого товарища стесняетесь? Стесняетесь, что вместе в Пензе...

Тут прохожий в толстовке сердито перебил:

— Да я вас вовсе не знаю! Что вы ко мне привязались?

Очередь рассердиться была за разговорчивым прохожим. И он, действительно, закричал:

— Позвольте! Да вы же меня сами остановили? Я иду, а вы мне говорите: „Господи, боже ты мой“!

— Да это я не вам говорил,— совсем уже свирепо сказал человек в толстовке,— с чего вы взяли?! Просто у меня подтяжки лопнули, вот и выразился. „Господи, говорю, боже ты мой“. А теперь поправил— и всего вам хорошего!

Он последний раз одернул свою толстовку и зашагал дальше. Словоохотливый „собеседник“ всхлипнул от удивления, как собака, поймавшая муху, дернулся ему вслед и, помолчав, заметил:

— А я то ему про все дела: и про Сарапуль, и про Пензу, и про накладную на галантерею, и про те семь с половиной тысяч, и про Пащенко и про... Ой!.. Ну и влип!.. Нет, что это такое за безобразие, что каждый прохожий норовит тебе в душу влезть?!

Прохожий в соломенной шляпе свирепо дернул кулаком и зашагал в свою очередь.

В. Ардов

ПО АССОЦИАЦИИ

Рис. Б. Антоновского

— Посмотрел на вывеску и вспомнил нашего зава и замзава!

ПО СТОЛБОВОЙ ДОРОЖКЕ

Рис. Н. Радлова

В московском округе связи растратили телеграфные столбы.
Из газет

— Позвольте и мой последний столбик поставить на черное!

ПЕРВЫЙ СЦЕНАРИЙ.

Я написал чудный сценарий. Любовь и идеология были в нем смешаны, как две жидкости равного удельного веса, т.-е. любовь была с идеологией, а идеология была с любовью. В сущности я мог очаровать и публику и комиссию по просмотру фильма.

Однако, когда я показал сценарий режиссеру, тот, посмотрев на меня, сказал:

— Дурак.

— Нет-с. Заглавие „Любовь и кровь"! — не поняв его, ответил я.

Тогда режиссер, подумав с минутку, сказал:

— Вы, конечно, не умны, но это не беда. Поумнеть вы можете быстро. Для этого вставьте в сценарий, во-первых, природу, во-вторых,—разгул белогвардейцев, в-третьих...

— Позвольте,— заметил я.—Природы у меня много. Вот-с, посмотрите: действие происходит у петергофских фонтанов. Затем...

— Заткните свой фонтан!— резко оборвал меня режиссер.— Идиот. Неужели вы не понимаете, что каждому человеку летом хочется на юг. Вся труппа просится. А вы мне какую-то петергофскую слякоть в нос тычете. Поняли? Впрочем, если по сценарию так уж необходимы фонтаны, то чорт с вами, поедем в Одессу. Там тоже, говорят, какой то фонтан имеется...

— Гм,— промычал я, понимая режиссера только на половину.— Ну, а разгул белогвардейцев,— он же есть у меня. Вот читайте. Кровь прямо леденеет.

— А вы, кретин, согрейте ее. Поняли? Пусть эти звери-белогвардейцы, насладившись своим преступлением, заберутся в кабачок „Череп" и там пьют до утра, жрут, пляшут, обнимают продажных женщин... Экий вы чудак. Ну, где бедному актеру взять пети-мети на хороший ужин с винцом? А на юге не вино, а масло... Тягучее. И шашлыки. И чебуреки. Ах, какой вы непонятливый. Ж-р-а-т-ь-то, п-и-т-ь-т-о всякий человек хочет. Поняли, наконец, что мне нужно?

— Каюсь, я грешный человек, я понял. Я работал две ночи и перелицевал свой сценарий так, что героиня обязательно ездила только в остроносых Бенцах и в международных вагонах. Герой из трезвого человека превратился в какую-то сорокаведерную бочку. Мелкие персонажи собирались для двухсложных бесед в отдельных кабинетах ресторанов. Профессор-математик, сидевший над своими интегралами, по первому сценарию, в мрачной мансарде, ныне танцовал фокстрот на всех, вечерах „где танцы до утра" и „уютно, тепло и весело"... Словом, от всего сценария осталось прежнего... только моя авторская подпись.

Вот и все. Но именно на эту подпись навалились все подсудимые режиссеры, администраторы и актеры, когда дело слушалось в суде.

— Помилуйте,— говорили эти мерзавцы,— при чем здесь мы, если речь идет о нарушении экономии и лишних тратах. Это все — он. Он — негодяй, задумавший такой безумно дорогой сценарий. Он автор всех этих трат и излишеств!

Друзья! Я не помню, как я оправдался, да это и не важно. Перед всеми кинозрителями я прошу сейчас снисхождения. Помилуйте меня. Если не как невиновного, то, во всяком случае, как несовершеннолетнего, ибо в этом киноделе — я сущий ребенок.

М. Коварский

В ЖИЛКООПЕ

— Это же возмутительно! Ваши постройки низкие, деревянные, и рушатся прямо на жильцов.

— А если бы на вас каменные небоскребы валились, вам легче было бы?

ВКУСНОЕ МЕНЮ

Из частного письма: „...Пища в нашей санатории прекрасная. Возьмем, например, воскресный обед: углеводы — 800 калорий, белки — 200 калорий, азотистых веществ 300 калорий!.."

ПЫШНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Рис. Б. Малаховского

В Москве открыт базар-выставка, где демонстрируется снижение цен.

Из газет

Базар, где демонстрируется снижение цен.

Базар, где снижение цен почему-то не демонстрируется.

СОВРЕМЕННИКИ

(Фантастический этюд)

Лимузины... негры... ножки...
Две чадры... Верблюд... Ковбой—
Развеселые обложки...
Синий... красный... голубой...

———

Навалилась заграница,
Слышу писк — „уа“, „уа“;—
Федин выбратся стремится
Из-под Пьера Бенуа.

———

У Сейфуллиной — глазища:—
— Басурман проклятый, сгинь!
Но у Кервуда — ручища,
Авантюр седьмая тыща,
У Дюшена — стиль пустынь!

———

Эльза Райс... Романов-Штабель,
И обложка „электрик“...
— Уступлю ли место бабе-ль?—
Вдруг блеснул очками Бабель,
Издавая „Беню-Крик“...

———

Робертсоны и Джексоны!
Блеск чалмы и котелка...
Аравийские муссоны,
Ассирийские виссоны —
Хвать за глотку Пильняка!!

. . . .

Так, кляня дурные стили,
Вкус читателя плохой,
Наши горестно вопили
Под импортною трухой.

———

День забыт, забыта дата,
Я проснулся сам не свой! —
Дрались книги в час заката
На прилавке Госиздата
На московской Моховой!

Ал. Македонский

СУДЬБА СУХОМЯТКИНЫХ

Вы, товарищ, спрашиваете насчет протекции? Как здесь, значит, у меня?..

Факты? Пожалуйста. Перед фактами я бледнею. Факты это язык цифр и, значит, что может быть проще?..

Во-первых, об каких Сухомяткиных вы спрашиваете? Извиняюсь, у меня их четверо. Семен Платоныч? Пожалуйста!

Дело было так. Заявился он ко мне года два тому назад.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте. Чем могу?

— Я,— говорит,— пришел собственноручно сложить к ногам завода все мои таланты и достижения применительно к должности главбуха со спецставкой. Командировочные по положению: одна двадцать четвертая в сутки.

Сразу видно, что человек толковый, — деловой подход. Но опять же говорю:

— А с какой стати буду я вас принимать на службу, когда мне ничего об вас неизвестно? Может, вы нигде и не служили?

Представьте, кладет бумагу на стол. Честь-честью, за печатями, с подписями, исходящий номер, число проставлено. Народный Комиссариат Путей Сообщения! Товарная станция и все прочее с принадлежностями. Помощник весовщика. Уволен по несоответствию с занимаемой должностью.

Поняли? Сам НКПС признал, что эта должность не соответствует такой персоне. И правильно: не так еще богата наша страна культурой, чтобы мы так разбрасывались квалифицированной силой!

Факт — податься некуда. Пытаюсь, однако, как-нибудь отвести работника; почему — сам не знаю. Понимаете, профлиния,— она у меня с молоком матери в'елась. Неловко стало перед месткомом: с одной стороны прет гражданин совершенно помимо биржи труда, а с другой стороны только что сократили бухгалтерию, преследуя рационализацию аппарата.

— Вот что,— говорю.— Бумаги у вас отличные, спору нет. Но еще лучше было бы личный отзыв, поручительство от источника, заслуживающего доверия.

Извольте! Кладет записку на стол. „Всецело ручаюсь... заранее благодарю... целую и так и далее“. Кто писал? Не поверите,— моя собственная жена! Ничего себе—источник! Должен я своей жене доверять или нет?

Д-с. Почувствовал я себя основательно припертым к стенке. Но, как говорится, утопающий и за трамвай хватается, так и я — делаю последнюю отчаянную попытку:

— Может, она вас не вполне знает? А? Тоже ведь случается...

— Ейным,— говорит,—братцем прихожусь от рождения.

Кончено! Крыть нечем. Сдался...

Да, да. У меня и другие Сухомяткины служат. Родственники ему. Сами понимаете,— талантливость у них в роду, это же по теории наследственности передается, как, скажем, рак печени или там глиста какая-нибудь. Я теперь этих Сухомяткиных днем с фонарем ищу и всем приятелям наказываю: подвернется какой Сухомяткин—хватай его без разговору и ставь на соответствующую должность. Да где там! Не осталось их, приходится уже ихних родственников брать. Конечно, это не то, но что делать? Раз уже ведешь линию крепкого хозяйственника, так достигай расцвета промышленности наперекор всяким гидрам!..

А вы что-то такое насчет протекционизма спрашивали?

Не-е-ет, дорогой товарищ! С детства я этим не занимался и вам тоже не советую.

Маноля

ОПЫТНЫЙ ВОЯЖЕР

— Неужели вам знаком весь СССР, от севера до юга?

— Почти. Во всяком случае — от Северопатоки до Югостали!

ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Гайда, трактор, снег пушистый...

Ни пушистого, ни другого сорта снега не было. А случилось вот что:

В д. Ельцовой, Ишинского округа, председатель земледельческой артели И. А. Святенин пьянствовал с воскресенья до четверга, потом сел на трактор и поехал на именины. 3 дня гулял на тракторе.

Вот что значит машинизация быта. Когда-то широкие натуры вроде Святенина катались на тройках, а теперь им трактор подавай. Но на лошадях все-таки безопасней. Машина — она хитрая. Ее направляешь на именины, а она, шельма, может в исправдом завести...

Сколько у вас верблюдов?

Представьте себе, что вы встретили своего старого приятеля:

— Здорово! Давно, братец, не видал тебя.

— Да. Давненько.

— Ну, рассказывай. Как живешь? Как жена? Сколько у тебя верблюдов?

После такого вопроса приятель или сочтет вас за сумасшедшего или же обидится.

А почему, собственно говоря, обижаться! Надо, чтобы человек привыкал к разным неожиданностям.

На местах уже имеются первые анкеты в этой области.

Тверское ГЗУ разослало земработникам анкету, в которой есть такой вопрос:

— Сколько у вас верблюдов?

Еще древние говорили:

— Легче верблюду проникнуть в анкету, чем в игольное ушко...

Спохватился

Письмо, полученное Днепропетровским коммунхозом от мосье Куси, покинувшего СССР „по независящим обстоятельствам" в 1917 г. и проживающего в г. Льеже по улице Дюпарк-Демонсури, 50.

Господину мэру г. Екатеринослава.

Покорнейше прошу выслать следуемые мне проценты с доходов нашего трамвая за последние два года. Деньги, падающие на мою долю, прошу перевести по вышеуказанному адресу.

Заранее благодарный городской управе, с совершенным почтением —

Жан Куси, акционер екатеринославского трамвая бельгийского анонимного о-ва.

По-французски — мосье Жан Куси, по нашему — проще: мосье, на-ко, выкуси!!!

Деловой подход

Ново-животинским сельсоветом получена была такая туалетного достоинства бумага:

В сельсовет Ново-животинского уезда от студента с.-х. института, технологического отделения, Кузнецова

Заявление

Прошу В. ходатайства перед священником о. Николаем о предоставлении мне в жены младшей дочери Надежды. При сем присовокупляю, что за хлопоты председателю сельсовета и секретарю будет магарыч.

„Венец делу конец"... не всегда! Иной раз венец может повести к началу дела.. Начал-ли дело против Кузнецова Ново-животинский сельсовет?

Чистилище обуви

Высокопреосвященный оратор епископ Михаил выступил в благовещенском драмтеатре с трехчасовым религиозным докладом.

— Наше духовенство — сказал, между прочим, епископ — это... чистильщики обуви: оно обязательно должно кому-то сапоги чистить. Раньше — чистили царю, теперь — пробуют чистить обувь соввласти.

Согласитесь, ваше высокопреосвященство, что мы вознаграждаем вас сторицею за вашу галантность. Вы пытаетесь только сапожки нам почистить, а мы не прочь вычистить вас с головой...

ЕЩЕ РАЗ ВЕЛИКОЕ ВЕЧНОЕ

Вопросы выявления жилищной нужды мы должны поставить во главу угла...

Вильям Шекспир

Рис. Б. Малаховского

А чего там выявлять, товарищ Шекспир? Вот он — глава угла!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Н.-Новгород — Кобзику.

Равномерно и уныло
Звук свой маятник дает
И в раздумьи вдруг он слышит,
Что на стенке кто-то бьет...

Кого бьет?.. Если вас, Кобзик, — то за дело: нельзя же, голубчик, „равномерно и уныло" каждую неделю посылать в редакцию безграмотные стихи.

Киев — Д. Рейко.

Знакомые советуют мне учиться на артиста, а я решил учиться на юмориста...

А нам кажется почему-то, что вы должны учиться на кегельбан: в качестве кегельбанного шара вы будете незаменимы!

Гжатск — М. Сурнину.

У нас загорелась деревня, а председатель горкомхоза Лебедев не отпускал брандмейстера до окончания заседания уика. Прошу эту тему передать каррикатуристу.

Эту тему следует передать не каррикатуристу, а прокурору. Веселенькое будет дело!

Пятигорск — Авне Луч.

Каким путем мне попасть в „Смехач"?

Прямым почтовопассажирским или скорым доедете до Москвы, а там лучше всего на трамвае № 1 или автобусом. Тем-же путем в обратном порядке немедленно вернетесь в свой родной город, где можете с гордостью рассказывать, что побывали в „Смехаче"... Вот-то завидовать будут ребята!!

Издатель — „ГУДОК". Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № 97.270. Отп. в 7-й типографии „Искра Революции" Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

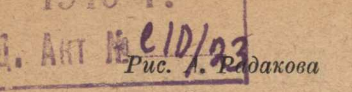

Рис. А. Радакова

ПАПА И СЫНОК

ПАПА: — Я вижу, сын мой, вы попрежнему полны любовью к ближнему. . .
МУССОЛИНИ: — В особенности — к ближнему востоку. .